12+

Дышу пустотой

Здесь в Новый год
происходит не чудо,
а мистика

Татьяна Серякова

Татьяна Серякова

Дышу пустотой. Здесь в Новый год происходит не чудо, а мистика

«Издательские решения»

Серякова Т.

Дышу пустотой. Здесь в Новый год происходит не чудо, а мистика / Т. Серякова — «Издательские решения»,

Год назад жизнь Вероники раскололась на «до» и «после». С тех пор она не чувствует ни боли, ни радости. Она просто дышит пустотой. А мистические странности, которые преследуют её с того дня, становятся всё более невыносимыми. Единственное желание — снова стать нормальной. Сбудется ли оно? Сможет ли Ника вернуть свою жизнь и задышать полной грудью? Или иногда, чтобы спастись от пустоты, нужно сначала заглянуть в самое её сердце?

© Серякова Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Дышу пустотой
Здесь в Новый год
происходит не чудо, а мистика

Татьяна Серякова

Здесь в Новый год происходит не чудо, а мистика.

© Татьяна Серякова, 2026

ISBN 978-5-0071-5477-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я стою на кладбище среди могил.

Снег лежит на плитах пушистым белым одеялом. Глушит звуки, прячет землю — словно оберегая последние пристанища тех, кто уже никогда не вернётся.

С неба падают снежинки, медленно кружась в воздухе, как в вальсе — под тихую, мечтательную мелодию, которую слышат только они. Сегодня это особенно красиво и празднично. Но здесь — в месте, где навсегда останавливается время, это кажется нелепым. Кощунственным. Как будто кто-то наверху решил, что сегодня можно улыбаться.

Снежинки ложатся на мои раскрытые ладони. Я хочу ощутить их прикосновение. Но не чувствую. Они падают, но не тают от тепла моего тела. Может, потому что у меня нет тепла? Может, я сама стала снежинкой? Такой же холодной, почти прозрачной, медленно тающей в этом мире.

Как тихо… Пугающе тихо. Даже как-то зловеще. Но меня это совсем не пугает. В последнее время я привыкла бояться и не понимать всё, что происходит вокруг.

Могилы. Серые, чужие, безликие. Лишь одна мне знакома. Та, к которой я прихожу в последнее время.

Сегодня 31 декабря. Ровно год прошёл с момента катастрофы, унёсшей жизнь моего брата.

Я смотрю на его могилу и должна что-то чувствовать. Боль. Сожаление. Утрату. Но не чувствую ничего. Внутри — пустота. Такая огромная, что в неё можно провалиться.

Почему пустота? Неужели пламя боли, которое я перенесла за этот год, настолько выжгло мою душу?

Пустота снаружи. Пустота внутри. Я дышу пустотой после его смерти. Превратилась в призрака. Стала тенью. Как угодно. Но так оно и есть.

А ведь совсем недавно я была другой. И со мной всегда был брат — моя половина сердца.

Мы с Марком близнецы. Иногда кажется, что мы стали близкими ещё до появления на свет. В тесноте. В темноте. В одном сердцебиении на двоих. Мы родились шестнадцать лет назад с разницей в четыре минуты. Марк — первый. Он всегда был для меня первым. Был для меня всем и примером во всём. Не потому, что так обычно говорят после смерти. А потому, что так было всегда.

Он был мне другом. Тем самым, который не предаст, не осудит, не уйдет, даже если я сама его оттолкну. Советчиком — я могла обратиться к нему со своими проблемами в любое время, и он, оставляя свои дела, всегда приходил на помощь. Защитником — он заступался за меня с детского сада. Один раз врезал мальчишке, который меня обидел. Сам стоял с разбитой губой, но с таким гордым лицом, будто выиграл войну. Тогда он стал для меня рыцарем. Впервые и навсегда.

Мама рассказывала, что в первый год после нашего рождения я могла засыпать только тогда, когда чувствовала рядом тепло брата.

Мы и потом так жили. Он был моей второй кожей. Моим эхом. Моим зеркалом. Если мне было больно — у него портилось настроение. Если он злился — у меня сжималось сердце. Мы могли понимать друг друга без слов.

Лет в семь я панически боялась грозы. Забивалась под одеяло и зажимала уши, а Марк садился рядом и успокаивал: «Слышишь? Это небо двигает мебель. У него там ремонт». И я улыбалась сквозь слёзы. Теперь я знаю: небо действительно что-то двигает. Только не мебель.

А когда в четырнадцать я провалила важное выступление, заперлась в комнате и ревела, Марк просунул под дверь записку: «Ника, ты самая лучшая плакса. Выходи. Я принёс вкус-

няшку». Я открыла. И мы сидели на полу и молча ели мороженое. Это было самое вкусное мороженое в моей жизни.

Говорят, у человека не может быть две души. А у нас была одна на двоих. И когда Марк умер, эта душа будто разорвалась пополам. И половина ушла с ним. В могилу.

Когда пьяный лихач за рулём забрал его жизнь.

Один человек выпил. Сел за руль. Поехал. И убил…

Всё случилось за долю секунды. Я только теперь понимаю смысл этих слов. Когда говорят о трагедиях, это звучит как штамп. Но было действительно так.

Одна секунда. Меньше. И всё.

18:52. Именно в это время погиб мой брат. В суде постоянно упоминали роковые цифры: «автомобиль потерял управление в 18:52», «удар произошёл в 18:52», «смерть наступила в 18:52».

18:52.

Я представляю электонные часы, которые не переключатся на 18:53. Никогда. Они застыли. Как и всё внутри меня.

Я помню тот день до секунды, до малейшей детали.

Мы с Марком отправились к тёте Ларисе, маминой сестре, чтобы поздравить её с Новым годом. Я шла налегке. Руки в карманах. Марк нёс огромную подарочную коробку, которую мы подготовили ещё с утра. Положили плед, свечи, конфеты. А я запихнула ещё маленькую керамическую лошадку — белую, с забавной мордочкой. Символ наступающего года. Купила её на распродаже, и мне показалось, что тёте будет приятно. Когда Марк увидел её, то закатил глаза и вздохнул:

— Ника, ну ты как всегда в своём репертуаре.

Но я заметила его улыбку. Он всегда так говорил, когда я вытворяла что-то подобное.

На улице уже стемнело. Горели фонари, витрины мигали гирляндами, и снег под ногами переливался на свету.

На остановке было людно. Предпраздничная толпа — шумная, тёплая, пахнущая мандаринами и морозом. Маленькая девочка в розовой шапке бегала вокруг мамы и дёргала её за рукав: «Мам, ну когда автобус? Ну когда? Я хочу к папе!» Мама устало улыбалась и поправляла ей шарф. Рядом переминался с ноги на ногу молодой парень. В руках — большой букет, упакованный в бумагу и плотную плёнку, чтобы не замёрз. Он то и дело поправлял упаковку, сдувал с неё снежинки и улыбался своим мыслям — так, будто репетировал что-то важное. Дедушка в валенках дул на озябшие ладони и тёр нос.

Мы с Марком встали у остановки. Я — ближе к обочине. Он сбоку от меня. Было так холодно, что дыхание вырывалось паром и тут же оседало на шарфе.

Марк смотрел на меня и рассказывал, как его одноклассник влюбился в учительницу. Смеялся. А я вспоминала, как пару лет назад он сам был влюблён в мою подругу из параллельного — хорошенькую рыжую девушку. Как он ласково называл её Шурочка. Как однажды признался ей в любви — и потом три дня ходил с таким лицом, будто его ударили. Мы вспоминали это и смеялись. Так, как умели только мы.

А потом меня ослепило. Яркий свет. Белый. Резкий. Прямо в глаза. Я перевела взгляд на Марка.

Его лицо изменилось. Смешливый взгляд погас. Губы сжались. В его глазах застыл немой крик — он смотрел не на дорогу. Он смотрел на меня. От этого взгляда у меня внутри всё оборвалось. Я зажмурилась и сжалась — всем телом, инстинктивно, как сжимаются перед ударом.

Визг тормозов. Сильный толчок. А потом — тишина и сплошная темнота. Всё.

Дальше — провал. Я ничего не помню.

И вот я стою здесь, смотрю на его могилу — и понимаю: мой брат умер, а я жива. Значит, он спас меня. Значит, толчок, который я почувствовала в тот момент, от него. Значит, он оттолкнул меня.

А сам…

Он оттолкнул меня. Значит, думал не о себе. Думал обо мне. И это делает всё только хуже. Потому что я здесь. А его нет.

Я не вижу снов. Я уже год не вижу снов. Только его лицо. Только 18:52. И пустоту, которую невозможно увидеть. Но я вижу. Я ей дышу. Она проникает в моё тело. Вдох за вдохом. И душит изнутри.

Я схожу с ума.

Глава 2

Я не помню похорон. Совершенно не помню. Ни гроба. Ни венков. Ни людей в трауре. Ни слёз.

Я много раз пыталась вспомнить хоть что-нибудь. Я же должна была видеть, как брата опускают в землю. Должна была проститься с ним. Но я даже в этом не уверена. Я как будто провалилась в бездну в тот день — 31 декабря.

Отчёт этого года начался для меня восьмого января. Странная дата. Не первого, не второго. Именно восьмого. Как будто до этого меня просто не было. Почему неделя после аварии стёрлась из моей памяти? Как будто кто-то вырезал её ножницами и склеил края. Может, я получила повреждения? Может, лежала в больнице? Но я не помню, чтобы меня навещали или выписывали.

Родители никогда не рассказывали мне про ту неделю. Не отвечали прямо на мои вопросы. Они то уклонялись, то переводили тему, то просто отводили взгляд.

«Это шок, — единственное, что говорили. — Так бывает, дочка».

Так бывает. Универсальная фраза. Ею можно объяснить всё — и ничего.

Первое моё воспоминание — это как мама привела меня к могиле Марка — к небольшому холмику с деревянным крестом. Странно, но на кресте нет ни имени, ни дат, ни фотографии. Ничего. Пустой крест. Будто под ним никого нет.

И спустя вот уже почти год после похорон на могилу так и не поставили памятник. Всё тот же деревянный крест. Грубый, некрашенный, с облезшей корой. Можно подумать, что это чья-то заброшенная могила. И каждый раз, когда я сюда прихожу, у меня внутри что-то сжимается от этой мысли. Мой брат. Мой Марк. И — заброшенная могила. Как будто весь мир решил, что его можно просто вычеркнуть.

Я часто здесь бываю. Не смотря на то, что на кладбище творятся до жути страшные вещи. Но меня это давно перестало пугать. Я привыкла. И мне здесь хорошо.

Раньше я приносила цветы, но они вяли на глазах. Даже искуственные. Стоило только воткнуть их в землю, как пластиковые лепестки скручивались, чернели, осыпались. Как будто сама земля не хотела принимать ничего живого. Или ничего фальшивого.

Сегодня я принесла мандарин. Бог знает откуда он взялся в кармане моего пуховика. Я не помню, чтобы клала его туда. Но он там. Свежий, пахнущий праздником. Марк любил мандарины.

— Держи, братик. С новым годом, — шепчу я и кладу оранжевый фрукт на снег. Яркое на белом — красиво смотрится.

И вдруг он начинает медленно вкручиваться в сугроб.

Я замерла. Руки похолодели. Я смотрю на это и не могу пошевелиться. Я могла бы понять, если бы мандарин просто провалился внутрь под своим весом. Но он стал именно вкручиваться, словно винтик.

Я только хмыкнула. Что опять за чертовщина? Я уже ничему не удивляюсь. За этот год я видела столько всего странного, что мандарин, вкручивающийся в снег, — это почти норма.

Фрукт тем временем и вовсе пропал, оставив лишь небольшую воронку. Я ладошкой расчистила снег. Мандарина не было. Только голая земля.

Вдруг резко крупными хлопьями повалила новая порция снежинок. Они ложатся на плечи, на крест. А я всё стою и не хочу уходить. И тут я почувствовала это.

Повеяло маминым парфюмом. Дорогим. Неизменным. Я узнаю этот запах из тысячи. Но откуда он здесь? Я огляделась. Никого. Я вдохнула глубже. Запах настолько реальный, что я почти увидела маму рядом — в её сером пальто, с поджатыми губами. Но вокруг — только могилы. Тишина. И этот запах, которого здесь быть не должно.

Родители вообще не любят приходить сюда. Тогда, восьмого января, был единственный раз, когда я помню маму на кладбище. И чтобы они плакали о нём — тоже не помню. Странно. Мне иногда кажется, что они больше переживают за меня, чем за потерю Марка.

А действительно, откуда этот запах?..

Меня вообще в последнее время окружают запахи, не соответствующие обстоятельствам.

Вот, к примеру, моя комната. В ней иногда пахнет так, как три года назад. Когда с нами жила бабушка, и мама лечила её дома.

Корвалол. Уколы. Мази.

Больничный запах.

Я уже перестала его замечать. Но иногда он возвращается. Может, у соседей кто-то болеет? Или он въелся в обои ещё тогда?

Весь это бред преследует меня с того дня, где жизнь сломалась пополам. И если уж вспоминать, то с самого начала — со странного поведения родителей.

Они живут так, будто Марка никогда и не было. Будто вычеркнули сына из своей жизни. Мама убрала из виду все фотографии с ним. Отец через месяц после похорон повесил замок на дверь его комнаты. Настоящий грубый амбарный замок. Врезал петли и повесил. Демонстративно. Молча.

Они вообще о нём не говорят. Даже не произносят его имя. Как будто всё, что связано с Марком, под запретом.

Меня это ужасно бесит. Я хочу хоть иногда вспоминать его. Хочу заходить в его комнату и скучать. А они взяли и заперли.

Я просила маму открыть. Она прятала глаза, уходила от ответа, переводила стрелки на отца. Отец ворчал, принимал мои просьбы в штыки.

Иногда я подхожу к комнате брата, сажусь на пол, прислонившись спиной к двери, и разговариваю с ним. Рассказываю, как прошёл день, что нового в школе. Или просто читаю что-нибудь вслух. Я говорю с дверью, как будто за ней — он. И мне иногда кажется, что он слышит.

Однажды, сидя у его комнаты, склонив голову на колени, я вдруг услышала звук. Тихий, придушенный, как будто звонил телефон где-то глубоко под подушкой. Или за стеной. Или под полом.

Звук был настолько нелепым в этой тишине, что я сначала подумала — показалось. Но он не прекращался, а только нарастал. Я прислушалась и вдруг осознала — он оттуда. Из-за двери. Я вскочила. Сердце забилось. Впервые за долгое время я почувствовала, как оно ударило изнутри.

Мелодия на телефоне была знакома до мурашек. Марк всегда ставил её на звонок. И когда она играла, он не сразу брал трубку — любил послушать пару тактов, улыбаясь, как дурак:

— Это же «Пираты Карибского моря», Ника! Это легенда!

Я снова прислушалась. Звук отчётливо доносился из комнаты брата. Потом стих. Я прошлась по коридору в надежде снова его услышать. Но безуспешно. Я подошла к двери вплотную и приложила ухо. И мне показалось — нет, я почти уверена, — что с той стороны кто-то стоит. Тоже прижался к двери и слушает меня.

Я помню этот момент так ясно, как будто это было вчера. Хотя почти уже год прошёл. Я стою здесь, на кладбище, и чувствую, как меня бьёт дрожь изнутри от этого воспоминания.

— Мам, ты слышала этот звук? — спросила я, влетев в кухню.

— Какой звук? — насторожилась та.

— Ну музыку. Как у Марка на телефоне.

Мама замерла. Всего на секунду. Я бы не заметила, если бы не смотрела ей прямо в лицо. Её рука с ножом остановилась над разделочной доской. Потом она не торопясь положила нож, обеспокоенно вздохнула, медленно подняла глаза и пристально посмотрела на меня:

— Тебе послышалось, дочка. Его телефон разряжен. Я его убрала.

Я обратила внимание, что говорила она каким-то гипнотическим голосом, будто внушая мне сказанное. Будто не успокаивала, а приказывала поверить. И от этого мне стало совсем не по себе.

Я снова подошла к двери Марка и вдруг заметила просвет. Тонкая полоска под дверью. Которая появилась и тут же погасла.

Свет. В комнате, где никого нет. В комнате, которую заперли на замок.

И в этот момент я услышала, как что-то мягко стукнуло о дверь изнутри. Один раз. Коротко. Как будто кто-то прислонился лбом или ладонью. Я отшатнулась.

— Мама! — истошно закричала я. — Там кто-то есть!

Мама бросила свои дела так резко, что стул отлетел в сторону. Она появилась у двери почти мгновенно — и в её глазах было что-то, чего я раньше не видела. Не злость. Не страх. Что-то другое. Что-то, что она пыталась спрятать.

Она принялась доказывать мне, что свет и музыка — всё это мне показалось. Трогала мой лоб, гладила мои руки. Успокаивала меня будто сумасшедшую. Мама была так убедительна, так ласкова, так уверена в своей правоте, что я смотрела на неё и не знала, что сказать.

Может, я и правда схожу с ума? Может, всё это — плод моего воображения? Может, я просто не могу принять, что его нет? Или же родители от меня что-то скрывают? А что если за дверью действительно кто-то живёт?

Или…

Он жив?!

Глава 3

Я стою у могилы брата, под этим дурацким праздничным снегом, и снова и снова возвращаюсь в тот день. В тот момент, когда поверила: он жив.

Это объяснило бы многое. И свет за закрытой дверью, который включался и выключался сам по себе. И мелодию на телефоне Марка. И странное поведение родителей. И даже крест на могиле без таблички.

А ещё — этот запах. Запах лекарств, который периодически появляется в доме и придаёт мне всё больше уверенности в том, что мой брат не умер. Каким-то чудом. И, возможно, болен.

Может, его прячут. Может, лечат тайно. Может, всему есть объяснение, которого я не знаю.

И если так — то почему от меня? Почему я, его сестра, должна стоять за дверью и слушать тишину? Что от меня скрывают?

Я долго искала разумное объяснение. Убеждала себя, что мама с папой просто устали, что им тоже больно, что так они меня берегут. Но каждая их реакция говорила об обратном. Молчание. Взгляд, которым смотрят на сумасшедших. А я не сумасшедшая. Я видела свет. Я слышала звуки. И в какой-то момент я перестала видеть в них родителей. Они стали стражниками. Теми, кто стоит на посту и охраняет. Только не знаю что. Меня? Правду? Ту самую дверь, за которой — Марк? Доверие ушло. Тепло исчезло. Они стали для меня стеной. И теперь уже я прятала глаза. Я избегала разговоров. Я молчала за ужином. Я знаю: это несправедливо. Но я ничего не могу с собой поделать.

Я стала следить. Прислушиваться к шагам. Запоминать кто и зачем выходит из дома. Я знала, в какое время папа ложится спать, а в какое мама закрывается в ванной. Я стала тенью в собственном доме.

Я подходила к двери Марка, когда рядом никого не было, и звала его. Тихо. Чтобы никто, кроме него, не услышал. Мне не отвечали. Я больше не видела света из-под двери, не слышала никаких звуков. Только гробовая тишина.

Я ужасно хотела проникнуть внутрь. Доказать себе, что не сошла с ума, что брат здесь, внутри, за тонкой, толщиной всего в несколько сантиметров преградой. Что он жив. Что он не умер.

С родителями я старалась вести себя обычно — и не замечала, что пока я присматриваюсь к ним, пытаясь разоблачить их тайну, они присматривались ко мне.

Ещё внимательнее. Ещё тише.

И после моих попыток во что бы то ни стало проникнуть в комнату Марка мама окончательно убедилась, что мне нужна помощь специалиста.

Это случилось в один из дней. Я дождалась, когда родители уйдут. Папа вышел раньше. Мама задержалась в прихожей, говорила что-то про суп. Я кивала и не слышала. Мысли были о другом. И только когда наконец за ней захлопнулась дверь, я выдохнула. В доме стало тихо. Так тихо, что было слышно, как тикают часы на кухне. Каждый тик отдавался где-то в груди. Как будто это не часы. Как будто это моё сердце отсчитывает свободные минуты.

Время шло. Нельзя было медлить. Я решительно бросилась в комнату, достала из шкафа папин ящик с инструментами, нашла подходящую отвёртку и поспешила к ненавистному замку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.